

Отец Андрей Колесников

А Я?... ЧТО Я?... Я ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО И СОЙТИ СО СЦЕНЫ.
ИЛИ ПУСТЬ МЕНЯ УНЕСУТ

В ШКОЛЕ у моих детей есть, конечно, друзья. Причем они постоянно меняются. Еще вчера лучшей Машиной подругой в ее четвертом классе была Варя (все имена изменены в общих интересах), а сегодня ее просто не существует.

То есть она, по-моему, куда-то уехала. И с глаз долой, из сердца вон. Примерно так. Может, я ошибаюсь в деталях.

У Вани все иначе. У него, во втором классе, все ровнее и спокойнее. Может, потому, что он уже четыре года, еще с детского сада, занимается восточными единоборствами и к жизни и к людям вообще относится по-другому. Иногда я ловлю его на том, как он смотрит сквозь детей и, по-моему, не замечает их. И я только не хотел бы, чтобы он когда-нибудь так же посмотрел сквозь меня. Хоть раз в жизни. Хоть один только раз.

Но он любит людей, это я знаю. И люди его — тоже. Потому что попробуй плохо относиться к человеку, который хорошо занимается джиу-джитсу. Причем еще и с таким удовольствием. У него, как и у Маши, при этом есть друзья, за которых он в огонь и в воду, и на ледяную горку, и в кино.

И все это касается не только школьных подруг и знакомых.

Я Ване и Маше говорю:

— Мы идем в кино?

— Конечно! — кричат они. — Только давай пойдем, а не как обычно.

— А как обычно? — переспрашиваю я, хотя не хуже, чем они, знаю ответ. А лучше.

— Обычно ты спрашиваешь нас: мы идем в кино? Мы кричим «да-а-а!». А ты потом тихо говоришь «нет», потому что у тебя появились неотложные дела.

Маша, по-моему, готова заплакать от рассказанной ею истории. Ей, по крайней мере, очень хочется заплакать. Но она, видимо, пока не считает нужным — потому что в результате воспитательной работы, которую они ведут со мной, сохраняется шанс пойти в кино.

— Да, — добавляет Ваня, — а нас можно отложить. Он мгновенно усугубляет эту историю до шекспировской бездны.

И мы идем смотреть «Путешествие Гулливера». Причем по пути к нам присоединяются еще

несколько детей. Вернее, их присоединяют за одну школьную перемену (вернее, за две) Маша с Ваней. В основном это одноклассники, некоторые с родителями. За одной девочкой мы заехали. В конце концов, в кинозале мы занимаем целый ряд. Целый ряд почти одних детей, жаждущих посмотреть «Путешествие Гулливера», запасшихся всем, что было в фойе опасного для жизни: чипсами, кока-колой, попкорном...

В ряду остались только два свободных места — как и во всем зале, по-моему. И тут, когда фильм уже начался, они пришли — эта пара не таких уж молодых людей. Вернее, она-то молодая, а он скорее уж лет десять как просто половозрелый. Хоть уже и темно было, но я разглядел, что других достоинств в нем, похоже, и нет. А я краем глаза сканировал пространство, потому что на мне же дети. Целый ряд.

И я заметил, конечно, что он пьян в дым, в песок, в дугу... Как могли его пропустить? Не захотели связываться? Предпочли переложить эту ношу на зрителей?

Он сразу начал очень громко разговаривать. Нет, он даже не матерился. Он просто выяснял с ней отношения. А они были запутанными. И он наконец, похоже, нашел время распутать их, потому что он же понимал, что она от него не вырвется: он надежно занял крайнее место в ряду, припер, запер ее и всех нас.

Плохо было слышно то, что происходит на экране. Да, было видно, но я, например, уже не смотрел туда. А он рассказывал ей, почему она, дура, не права по жизни. Потом он как-то вдруг ушел в детские воспоминания, просто ухнул в них с головой.

Я сказал ему, чтобы он замолчал.

Сорвалась сразу же еще какая-то женщина из середины зала:

— Да невозможно же! Да кто же это такой!

Ей он пообещал сейчас показать.

Между тем он стал говорить тише. Но его глухой ропот был еще невыносимей. Впрочем, он продолжался не больше полуминуты. Он перешел на свой обычный бас. Наверное, он в какой-то момент не понял, почему он шепчет. Он, конечно, забыл все события минутной давности.

Дети сидели не шелохнувшись. Я не знаю, обращали они на него внимание или нет. Не могли, конечно, не обращать. Мне казалось, они и на меня обращают внимание.

И я встал и пошел к нему. И чем дальше я шел, тем отчетливей понимал, что пойду до конца. За мной были мои и не мои дети, которые потом будут гордиться мною. А я?... Что я?... Я должен сделать свое дело и сойти со сцены.

Или пусть меня унесут.

Очень уж он был здоровый.

Я подошел к нему. Нагнул и тихо, чтобы не мешать людям, которые пришли смотреть кино, сказал то, что и говорят в таких случаях:

— Ну что, выйдем?

Правда, в этом случае преследовалась еще одна цель: мне надо было вывести его из зала.

— А? — он поднял на меня глаза с огромным трудом. — Выйти? Зачем?... А-а-а... Да понимаешь, не встану я...

Тут вдруг сознание стало стремительно возвращаться к нему:

— А что ты... я смотрю... А может, и встану... Ща...

Он подумал и понял, видимо, что все-таки не встанет.

— Ну и молчи тогда, — сказал я.

— Ну и помолчу, — вдруг ответил он, но потом понял, видимо, что сказал что-то не то все-таки, и как-то безнадежно махнул на меня рукой. Как ни странно, меня это задело чуть не больше всего. Но тем не менее меры были приняты, причем к исполнению, и я спокойно сел на свое место.

То есть что значит спокойно?! Под торжествующие взгляды детей, причем не только моих! Причем мои дети смотрели торжествующе на других детей!

В общем, мы торжествовали.

И тут он опять заговорил. Да ведь громче прежнего! У него открылось второе дыхание.

И вот пока я решал, что делать (а например, можно ведь было и охрану вызвать, чтобы его просто вывели), его девушка, воспользовавшись его мгновенным замешательством, выпорхнула из нашего ряда и улетела к выходу. Ей в этот день повезло. А так ей, конечно, не позавидовать.

Он понял это, схватил рукой воздух, понял, что это не она, и нашел все-таки в себе силы встать (а говорил, что никак... значит, другая причина была, во мне!), и, шатаясь, побрел к выходу.

Он бы нашел его в темноте, но он вдруг остановился и стал натягивать на себя куртку.

Очевидно, в его корявое сознание проникла мысль о том, что он идет на улицу, а на улице может быть холодно.

И он еще минут пять пытался сначала надеть, а потом застегнуть куртку, и так ему было тяжело, что я даже подумал, не помочь ли ему... Но он справился.

На экране Гулливер, писая, тушил корабли.

А я снова начал вести отцовскую колонку.

Потому что еще неизвестно, что тяжелее: вести ее или не вести.